

СВ. АСТЕРІЯ АМАСІЙСКАГО *)

С Л О В О

на начало поста.

Получивъ свое настоящее бытіе изъ видимаго тѣла и разумной, безтѣлесной души, человѣкъ есть сложное живое существо. Но природа и достоинство двухъ, названныхъ сейчасъ, частей не равноцѣнны: тѣло устроено какъ орудіе, движущееся по распоряженію правительницы, душа же назначена управлять и повелѣвать (имѣ), какъ высшая низшимъ. Эта послѣдняя, получивъ отъ ума и разума способность различенія и имѣя возможность отличать истинно-прекрасное отъ простаго подобія его, познаетъ Бога Творцемъ и Устроителемъ не только того, что на-

*) Астерій, епископъ Амасіи (въ Понтѣ), былъ современникомъ св. Іоанна Златоуста и несомнѣнно стоялъ подъ обаятельнымъ влияніемъ этого знаменитѣйшаго церковнаго вѣгги. Получивши научное образованіе въ Антиохіи, гдѣ онъ изучалъ главнымъ образомъ науки словесныя и правовѣденіе, Астерій избралъ сначала адвокатскую карьеру, но скоро оставилъ ее и посвятилъ себя на служеніе Церкви. Каедрѣ епископа Амасійскаго занялъ онъ послѣ Евлалія, изгнаннаго при Валентѣ аріанами, и во все время продолжительнаго пастырскаго служенія (сконч. въ первыхъ годахъ 5 в.) не переставалъ заниматься исправленіемъ нравовъ, испорченныхъ аріанствомъ. — Причисляемый къ отцамъ Церкви патріархами Никифоромъ и Фотіемъ, и соборомъ вселенскимъ (2-мъ никейскимъ, Act. 4. с. 14; Act. 6 et 8), Астерій Амасійскій, — котораго Фотій называетъ „блистательною звѣздой, просвѣщавшею все сердца своимъ свѣтомъ“ (Phot., Bibl., cod. 271), — по справедливости можетъ занять весьма почетное мѣсто между древними церковными проповѣдниками. У католическихъ

ходится подъ ногами и воспринимается чувствомъ, но и того, что сокрыто отъ глазъ и что созерцаетъ умъ безтѣлесный, владѣющій силою представлений. Упражняясь, какъ боголюбезная, въ правдѣ и добродѣтели, она стремится къ божественной мудрости (*φιλοσοφίας*) и, повинувъся ея законамъ и велѣніямъ, удаляется возможно болѣе отъ плотскихъ пожеланій, приближается къ Богу и старается всеми силами сродниться съ благомъ. Преимущественнымъ же и самымъ существеннымъ предметомъ этой священной философіи служить такъ называемое воздержаніе; ибо тутъ умъ, ничѣмъ не смущаемый и свободный отъ вліянія оскверненій, происходящихъ отъ чрева или другихъ какихъ причинъ, имѣетъ безпрепятственную дѣятельность и созерцаетъ небесное и сродное себѣ.

Итакъ, все вы, питомцы философіи, все любители возвышеннаго и ученики слова, возлюбите наступающее время и съ радостію встрѣтите святую Четырехдесятницу, какъ учительницу умѣренности, какъ мать добродѣтели, воспитательницу чадъ Божіихъ, руководительницу беспорядочныхъ, спокойствіе душъ, опору жизни, миръ прочный и невозмутимый. Ея строгость и важность умиряетъ страсти, угашаетъ гнѣвъ и

издателей Астерій именуется святымъ; въ числѣ восточныхъ святыхъ, не имѣющихся въ мѣсяцесловахъ греко-русскія церкви, Астерій помѣченъ у Преосв. Сергія 30 окт. (полный мѣсяцесловъ, т. 2, прил. 2, стр. 49 и 213). Въ разныхъ изданіяхъ съ именемъ Астерія является не одинаковое количество произведеній, но дѣйствительно ему принадлежащими и сохранившимися до насъ въ полномъ видѣ слѣдуетъ признать 21 проповѣдь (*Migne, Curs. compl. Patrol., ser. gr., t. XI, col. 163 — 478*). — Въ частности „слово на начало поста“, переводъ котораго здѣсь предлагается нами, было издано въ 1617 году Іак. Гретсеромъ (ed. Іас. Gretserus; Ingolstadt., 1617, in — 4) между сочиненіями св. Григорія Нисскаго, а отсюда затѣмъ эта ошибка перешла въ нѣкоторыя другія позднѣйшія изданія. Но патр. Фотій рѣшительно приписываетъ это слово Астерію Амасійскому и передаетъ его содержаніе (*Bibl., cod. 271, p. 503; ed. Vesseri, 1824*) вполне соотвѣтственно тому, какъ оно имѣется теперь у насъ.

яръсть, охлаждаеть и утишаеть всякія волненія, возникающія отъ многояденія. И подобно тому, какъ лѣтомъ, когда жгучій зной солнца распространяется надъ землей, сѣверный вѣтеръ оказываетъ благодареніе палимымъ, разгоняя духоту нѣжной прохладой; такъ тоже самое доставляетъ и постъ, прогоняя разженіе тѣлъ, являющееся слѣдствіемъ обжорства.

Оказывая такія благодаренія душѣ, постъ не менѣе пользы приноситъ и тѣлу. Онъ утончаетъ дебелость матеріи, слагаетъ часть бремени съ тѣла, облегчаетъ жилы, готовыя лопнуть отъ переполненія кровью, и не допускаетъ (въ нихъ) большаго стѣсненія, чтобы съ ними не случилось того же, что бываетъ съ водопроводными трубами, которыя, когда въ нихъ вольтется вода въ большомъ и неумѣренномъ количествѣ — сверхъ ихъ вмѣстимости, — разрываются, не выдерживая насильственно вталкиваемой въ нихъ массы. И голова испытываетъ спокойное и тихое состояніе, когда ни жилы кровеносныя не бьются усиленно, ни мозгъ не омрачается отъ распространенія испареній. Воздержаніе даетъ свободу желудку, который избавляется тогда отъ принудительнаго рабства и отъ кипѣнія подобно котлу, усиленно работающему при вареніи въ немъ пищи. Глаза смотрятъ ясно и неомраченно, при устраненіи всякаго тумана, какимъ пресыщеніе обыкновенно заволакиваетъ взоры; дѣятельность ногъ — устойчивая и рукъ — крѣпкая; дыханіе — правильное и равномерное, никакимъ спертымъ воздухомъ извнутри не стѣсняемое. Рѣчь постягагося ясна и раздѣльна; умъ чистъ и тогда дѣйствительно онъ проявляетъ въ себѣ истинное богоподобіе, когда какъ бы въ безтѣлесной плоти отправляетъ спокойно и безмятежно свойственную ему дѣятельность; сонъ — спокоенъ и свободенъ отъ всякихъ

видѣній. Но чтобы не распространяться много, скажу, что постъ есть общій миръ души и тѣла, жизнь безмятежная, устойчивый образъ поведенія, — житіе, Бога радующее и печалющее врага. Вѣдь непріятель, когда замѣтитъ у противника бдительность и осмотрительность, тщательное вооруженіе и присутствіе храбрости, считаетъ это ревностное приготовленіе собственнымъ пораженіемъ; такъ и врагъ нашего спасенія всякую нашу заботу о добродѣтели ненавидитъ, какъ собственное бѣдствіе.

Познай же изъ этого, человѣкъ, что стражами и бдительными охранителями жилища постника бываютъ ангелы, тогда какъ у предающагося пиришествамъ и наслажденіямъ въ теченіе Четырехдесятиницы таковыми являются демоны, — эти настоящіе друзья жирнаго запаха, любители крови и сообщники пьянства. Ибо и каждый изъ духовъ, — какъ святыхъ, такъ и нечистыхъ, — присоединяется къ тому, что сродно и пріятно ему, — какъ нѣчто подобное можно наблюдать и на птицахъ. Голубь, напримѣръ, любитъ витать около чистыхъ мѣстъ, вращается около пахатной земли, собирая зерна себѣ и своимъ дѣтямъ. И горлица охотно садится на листьяхъ древесныхъ, пріятно и нѣжно чирикаетъ. А прожорливый воронъ садится у мясныхъ лавокъ, грубо и непріятно каркаетъ на мясниковъ. — Итакъ, будемъ любить воздержаніе, чтобы насъ возлюбили ангелы, и возненавидимъ неумѣренную роскошь, чтобы съ нею не поцалъ намъ въ общеніе съ демонами. Никто изъ жившихъ въ роскоши не былъ нравственно-рачительнымъ, и никто изъ предававшихся пирамъ — ученикомъ добродѣтели, ни одинъ любитель удовольствій — святымъ и никто по плоти живущій — общникомъ царства (небеснаго).

Обратись воспоминаніемъ къ началу рода нашего *), и опытъ засвидѣтельствуемъ тебѣ о томъ, что мы порицаемъ. Не былъ бы данъ намъ законъ поста, если бы не былъ нарушенъ законъ перваго воздержанія. Не было бы названо чрево злоумышленникомъ, если бы предлогъ къ удовольствію не повлекъ за собой грѣха. Не было бы нужды въ плугѣ и рабочихъ волахъ, въ прорѣзываніи борозды и въ сѣменахъ, въ водѣ оросительной, во взаимной смѣнѣ временъ года — зимы сковывающей и лѣта распускающаго, ни вообще въ какой-либо такой періодически повторяющейся тяготѣ, — если бы вслѣдствіе опромѣтчиваго наслажденія прародителя мы сами не осудили себя на этотъ круговоротъ трудовъ. А между тѣмъ мы готовились вести иной по сравненію съ нынѣ видимымъ образъ жизни, котораго опять надѣемся достигъ, когда освободимся отъ этой страстной жизни черезъ воскресеніе. Таково благодѣяніе Божія къ намъ снисхожденія, чтобы мы снова были возстановлены въ прежнее достоинство, котораго по человѣколюбію нѣкогда пріобщившись, мы не сохранили этой милости съ надлежащею осмотрительностью. Постъ есть образъ будущей жизни, подражаніе нетлѣнному существованію. Тамъ нѣтъ пиршествъ, нѣтъ наслажденій (чувственныхъ).

Оставь перваго человѣка, и перечисляй затѣмъ по порядку слѣдовавшихъ за нимъ. Что доставило срамоту праведному Ною, въ безчувствіи обнажившему члены, которые прикрывать повелѣваетъ обычай, и — побудило безразсуднаго Хама посмѣяться надъ опьянѣніемъ отца **), — такъ чтобы два бѣдствія произошли отъ одного проступка? Вѣдь одно опьянѣніе и

*) Быт. III, 1 и слѣд.

**) Быт. IX, 21 и слѣд.

отца лишило благопрстойнаго покрова и сына — свободы.

А затѣмъ, когда я обращаю свой взоръ къ сыновьямъ Илія священника *) и размышляю объ этой исторіи, я нахожу цѣлый рядъ несчастій, связанныхъ между собою единствомъ начала, имѣющаго свое основаніе въ чревъ и пресыщеніи. Да, эти дѣти Илія, воспользовавшись священническимъ служеніемъ отца, какъ поводомъ къ сладострастію и наслажденію, оскверняли жертвы и начатки жертвоприношеній приносили чреву вмѣсто Бога. Послѣдовалъ затѣмъ и блудъ — грѣхъ близко родственной роскоши, и за всеѣмъ тѣмъ — судъ отъ Бога, повлекшій строгій и рѣшительный приговоръ: ибо изъ-за нихъ народъ враждебный пошелъ войной на Іерусалимъ. И — чтобы сократить множество печальныхъ повѣствованій — я долженъ сказать, что невоздержные юноши пали въ сраженіи; вмѣстѣ съ согрѣшившими потерпѣло бѣдствія и отечество, кивотъ Божій былъ плавленъ и унесенъ неприятелями, старецъ-священникъ при извѣстіи о несчастіяхъ умеръ: такую совокупность бѣдъ принесло государству наслажденіе горла!

Итакъ, будемъ поститься всеѣ, и въ особенности — домочадцы священниковъ, какъ имѣющіе учителя воздержанія своимъ сожителемъ и правила любомудрія — у себя на-дому. Поистинѣ, странно было бы, — когда дѣти мѣняль знаютъ толкъ въ серебрѣ и домашніе кузнецовъ вращаются около огня и наковальни, — близкіе же родственники священниковъ или другимъ какимъ-нибудь образомъ вошедшіе въ ихъ семью пренебрегали бы той цѣлью жизни, къ которой призванъ домовладыка и господинъ.

*) 1 Цар. IV, 1 и слѣд.

Слишкомъ много вреда потерпѣлъ отъ чрева и старшій сынъ Исаака *). Будучи охотникомъ по ремеслу, и однажды послѣ долгаго скитанія возвратившись домой, онъ почувствовалъ такое сильное желаніе къ предлежавшей пищѣ, что продалъ брату права первородства за чечевичную похлебку; а вслѣдствіе этого лишился затѣмъ и отеческаго благословенія **), и такимъ образомъ черезъ короткое время отвратившись отъ добродѣтели и отъ Бога, онъ утратилъ патріаршеское достоинство и прервавши дружественныя отношенія съ Израилемъ, какъ самъ сдѣлался варваромъ и иноплеменникомъ, такъ и народъ произвелъ изъ себя такой же.

Тотъ же недугъ увлекъ и народъ ветхозавѣтный къ нарушенію божественныхъ и священныхъ законовъ. Въ то время, какъ Моисей былъ занятъ полученіемъ возвѣщаемаго закона, люди, измѣнивъ прежній образъ жизни, обратились къ пиршествамъ и пляскамъ ***), и когда мало-по-малу сбились съ пути и попрали благочиніе жизни, діаволь вълекъ ихъ въ нечестіе. Отсюда затѣмъ — и дѣланіе тельца, — это демонское занятіе, и Ааронъ — участникъ мерзости, и разрушеніе закона, и разбитіе скрижалей, и вторичное восхожденіе Моисея на гору, и все то, что исторія такъ жалобно оплакиваетъ, — получило свое начало и причину въ неумѣренной ѣдѣ.

Хочу предложить вамъ и другое повѣствованіе, позднѣйшее предъидущаго по времени, но равносильное ему по дѣйствию. Сауль царь вышелъ противъ непріятеля и велъ войну съ большой заботливостію: онъ запретилъ народу въ этотъ день употреблять

*) Быт. XXV, 30 и слѣд.

**) Быт. XXVII, 19 и слѣд.

***) Исход. XXXII, 22 и слѣд.

пищу *), клятвою запечатлѣвъ свое рѣшеніе и назначивъ смерть въ наказаніе послушнику. Но тогда какъ все войско съ покорностью приняло это приказаніе, только сынъ царя Ионаѳанъ, случайно натолкнувшись на пчелиный улей и соблазнившись медомъ, воткнулъ въ соты палку и отвѣдалъ сладости. И онъ подвергался за это большой опасности, если бы вся толпа воиновъ сообща не противостала рвенію отца и царя, рѣшившаго привести въ исполненіе свою угрозу.

Къ сказанному можно присоединить еще безчисленное множество подобныхъ же примѣровъ отъ Писанія, ясно показывающихъ, какое благо — воздержаніе, и наоборотъ — какъ вредно неумѣренное наслажденіе питьемъ и пищей. Постъ — святыхъ совоспитанникъ; постъ — всякаго добраго дѣла виновникъ. И какъ мастера не производятъ своихъ издѣлій безъ помощи инструментовъ; такъ и ревнители благочестія и прославившіеся духовными дарованіями безъ воздержанія никогда не творили ничего чудеснаго и сверхъестественнаго. Постясь Елисей воскресилъ и оживилъ мертвеца; постясь Моисей видѣлъ Бога; постясь Данилъ одержалъ верхъ надъ волшебствомъ и обманомъ Ассиріянь; постясь и Господь выдержалъ искушенія діавола; постясь и апостолы совершали моленія о важныхъ дѣлахъ; постомъ Ниневитяне отвратили угрозу смерти. Говоря вообще, постъ есть ходатай передъ Богомъ, достойный уваженія, — и посоль самый надежный, скоро преклоняющій Бога къ тѣмъ, за кого онъ возноситъ моленіе. — Посему, всякій мужъ благочестивый, — всякій, кто любитъ больше Бога, чѣмъ удовольствія, приступи къ днямъ воздержанія съ радостію и весе-

*) 1 Цар. XIV, 24 и слѣд.

ліемъ; ибо никто, имѣющій унылый видъ при началѣ битвы, не бываетъ храбрымъ борцомъ. Не будь печалень, какъ ребенокъ, котораго тащатъ въ школу; не ропщи на чистоту этихъ дней; не стремись къ концу недѣли, какъ къ наступленію весны послѣ суровой зимы; не желай субботы ради пьянства, какъ іудей; не высчитывай дней Четырехдесятницы, какъ лѣнивый наемникъ, выжидающій окончанія срока, до котораго онъ нанятъ; не огорчайся, что домъ твой съ ранняго утра не курится дымомъ и поваръ не стоитъ у огня.

Удѣли что-нибудь и душѣ, не все — тѣлу: первую питаетъ воздержаніе отъ пищи, послѣднее — сытость. Но такъ какъ душа и тѣло находятся въ сочетаніи другъ съ другомъ и, при большомъ различіи по природѣ, связаны вмѣстѣ промышленіемъ и художествомъ Устроителя, — то позаботимся, чтобы та и другое существовали, не лишаясь удовлетворенія соотвѣтственныхъ потребностей. Изъ двухъ частей состоишь ты, человекъ, — не говорю пока о томъ, что душа гораздо предпочтительнѣе тѣла, и ей слѣдуетъ удѣлять больше благорасположенія. — Разсуди же между обѣими по разуму и справедливости. Подожди, впрочемъ, немного, — и, если хочешь, я поведу рѣчь въ пользу души, какъ бы въ защиту жены вѣрной противъ того, въ чемъ — по ея словамъ — она терпитъ несправедливость и обиду. Итакъ, душа священна и безтѣлесна, бессмертна и не разрушима; не съ землею и земнымъ, а съ Богомъ имѣетъ она сродство. Будучи же чистою, она и наслаждается чистымъ, и имѣя нематеріальное происхожденіе, избѣгаетъ матеріи. Но поелику ей назначено управлять сосудомъ, образованнымъ изъ земли, то, какъ послушная раба господина, она находится неотлучно при этой (зем-

ной) персти, оберегаетъ ее и заботится о ней до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ повелѣніе о разлученіи. Итакъ ее, оживляющую тѣло, радуется воздержаніе отъ пищи, тогда какъ земному орудію необходимо вкушеніе хлѣба. Ничего больше и не требуетъ она, какъ высшая: удѣли мнѣ, говоритъ, извѣстное время года, дай шесть мѣсяцевъ управляемому, остальные — правителю. Справедливая просьба, — и нѣтъ столь плотолюбиваго и пристрастнаго судьи, который бы не согласился съ сказаннымъ.

Я допущу даже преувеличеніе, не настаиваю на равномѣрности. Снисхожу къ немощи плоти; предоставляю десять мѣсяцевъ тѣлу и еще нѣсколько (дней). Но пусть оно оставитъ Четырехдесятницу не оскверненною, чтобы я хоть немножко освободился отъ нечистоты, пока грязь просушивается воздержаніемъ. Это, христіане, справедливо и безпрекословно и по Божескому и по человѣческому суду. И ты, судья, (благо ты во-время пришелъ) разсуди меня, душу, въ спорѣ съ тѣломъ. Отними отъ меня, христіанинъ, сладострастіе, какъ нѣчто ребяческое. Ты — мужъ, не мысли, какъ дѣти, которые, когда не получаютъ меду, плачутъ, и, когда не дашь имъ мяса или вина, упавши бьются, досаждая всѣмъ весьма много своимъ воплемъ. — Краснѣю отъ стыда за обжоръ, какъ (много) они жертвуютъ сравнительно съ воздержаніемъ *). Постоянно зѣваютъ, наклоняются по-немногу, всакиваютъ, но опять засыпаютъ по неволѣ. Въ разсѣянности стараются проводить дни; жалуются на солнце, что оно медлитъ заходомъ, и днямъ приписываютъ большую обыкновенной продолжительность. Выдумываютъ, затѣмъ, боли желудочныя, спи-

*) Т. е. какъ много платятъ за то, что отказываются отъ воздержанія.

раніе газовъ, тяжесть въ головѣ, извращеніе обыкновеннаго порядка жизни, — хотя все это суть признаки пресыщенія, а не поста. Неохотно приступаютъ къ почтенной трапезѣ, ропщутъ противъ овощей, ругаютъ бобы, какъ излишнюю прибавку къ творенію. Такъ, и въ качествѣ знатоковъ природы выступаютъ эти любители наслажденій противъ постныхъ кушаний. — Воду глотаютъ они залпомъ, какъ какое-нибудь непріятное лѣкарство, прописанное врачами. А многіе поддѣлываютъ и вино, искусственными средствами удовлетворяя своей страсти; другіе занимаются подобнымъ же ремесломъ относительно овощей, и бываютъ очень разнообразными изобрѣтателями наслажденія. Это крайне недѣло и безсмысленно. Воздержаніе есть знакъ независимаго и благороднаго образа мысли, а не рабская изворотливость, стремящаяся исполнить долгъ, не какъ слѣдуетъ, а съ низкимъ лукавствомъ. Еще награды требуешь ты за то, что живешь по закону добродѣтели; но вѣдь награда и воздаяніе обѣщаны искреннимъ дѣлателямъ, а не коварнымъ.

Не искажай поста, чтобы не потерпѣть тебѣ того, что бываетъ съ корчемниками. Если они наказываются, когда примѣшиваютъ воду къ вину, то какъ избѣжишь наказанія ты, вводящій въ строгій постъ измышленныя наслажденія? Не выставляй мнѣ на видъ мнимыя немощи. Не лги на Четырдесятницу, какъ причину болѣзней; напротивъ, она есть источникъ здоровья. Не выдумывай извиненій въ грѣхахъ вмѣстѣ съ людьми, преданными удовольствію. Только вслѣдствіе дурной привычки воздержаніе представляется тебѣ противнымъ, а не по существу оно тяжело. Свидѣтельствомъ этого служатъ всѣ тѣ варвары, которые ни винограда ни садятъ, ни вина не пьютъ,

а употребляютъ для питья естественную и безискусственную воду, и (не смотря на то) оказываются храбрыми и побѣдоносными въ войнахъ, и берутъ верхъ надъ пьющими много вина, какъ и подобаетъ — трезвымъ — надъ пьяными. Тѣла у нихъ легкія и выносливыя; они быстро вскакиваютъ на коня, — ловки, смѣлы, мѣтки при стрѣльбѣ; непоколебимы въ своей удали и умѣютъ всегда найтись въ трудныхъ обстоятельствахъ. — Итакъ, не клевети на воду, будто нездорова она, будто дѣлаетъ больными и слабыми тѣхъ, кто употребляетъ ее: опытъ изобличаетъ твою клевету.

Но что я говорю о винѣ? Скиѣны-кочевники, живущіе около Босфора, а также и обитающіе по рѣкѣ Рейну, не имѣютъ домовъ и домашнихъ очаговъ. Живя въ шатрахъ, они устрояютъ себѣ кровъ изъ шерсти, изъ шкуръ овечьихъ и всякихъ другихъ покрываль. Поэтому они и печенаго хлѣба не имѣютъ, и плуга не знаютъ, и земли не пахутъ: ибо какъ они могутъ имѣть понятіе о хлѣбѣ и сѣменахъ земныхъ, если не научились земледѣлію? И однако, обходясь безъ хлѣба и вина, они мужественны и равносильны всѣмъ народамъ въ войнѣ, а многихъ и побѣждаютъ. Отсутствіе хлѣба и вина нисколько не вредитъ имъ; но унаслѣдованная отъ отцовъ привычка сдѣлалась природой для этихъ людей.

Для чего же упомянули мы объ этомъ въ словѣ нашемъ? Для того, чтобы научиться намъ, что поведеніе и занятія образуютъ изъ человѣка то, къ чему мы будемъ стремиться и чѣмъ станемъ заниматься. Приучи себя къ воздержанію, и со временемъ оно сдѣлается вовсе не обременительнымъ для тебя сожителемъ. Если же, наоборотъ, ты сдружишься и свыкнешься съ наслажденіями и пирами, то поста

никогда не будешь любить: какъ чуждый и непри-
вычный, онъ будетъ казаться тебѣ тяжелымъ.

Жизнь воздержная есть образъ будущей нетлѣнной
жизни: ибо какъ тогда, отложивъ эту страстную
плоть, мы будемъ жить свободно, не имѣя никакой
нужды служить чреву и находиться въ рабствѣ у
прочихъ страстей; такъ и нынѣ, если мы большую
нужду и самую матерію этихъ страстей отвергнемъ,
близки будемъ къ ожидаемому нетлѣнію. Говоря
кратко, будемъ по возможности избѣгать сластолю-
бія, такъ какъ трудно одному и тому же человѣку
быть и сластолюбомъ и боголюбомъ. Плотолюби-
вый по необходимости будетъ и любостыжательнымъ,
а любостыжательный — несправедливымъ; впавши же
въ неправду, легко преступить правила благочестія
и нарушить законы премудрыхъ, — спокойно при-
мется за недозволенное, собирая себѣ отсюда мате-
ріаль для наслажденія, и всю эту добычу неправды
принося въ даръ похоти, какъ повелительницѣ.

Не бѣги отъ трудности воздержанія, но настоящему
труду противопоставь надежду, и ты легко достиг-
нешь воздержанія отъ пищи. Скажи себѣ самому
слова благочестія: горекъ постъ, но сладокъ рай;
тягостна жажда, но близокъ источникъ, изъ кото-
раго пьющій не будетъ жаждать во вѣкъ *). Назой-
ливо тѣло, но гораздо сильнѣе душа безтѣлесная;
мертва сила, но близко воскресеніе. Скажи докуч-
ливому чреву и ты изреченіе Господа: „не хлѣбомъ
однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ
Божіимъ **). Постъ — не голодъ, а небольшое отвле-
ченіе (отъ пищи), — не неизбѣжное наказаніе, а
добровольное воздержаніе, не рабская необходимость,

*) Иоан. IV, 13.

***) Мѣ. IV, 4.

а свободное любомудріе. Помолись и — укрѣпишься, воззови и — явится тебѣ скорый помощникъ.

Припомни древнюю исторію *) и научись, какъ люди, удручавшіе свою плоть ради благочестія, не были слабѣе силою тѣхъ, которые жили въ роскоши, и вливали въ себя много вина, — и на видъ не были унылѣе, и красотой не увядали. Извѣстный царь Ассирійскій, жившій исключительно для плоти и привязанный къ роскошной жизни, какъ къ яслямъ, приказалъ, чтобы и виночерпій, и служащіе за столомъ, и вообще всѣ прислужники его наслажденій — были отмѣнно стройнаго тѣлосложенія и пріятной наружности, дабы не только ротъ и вкусъ, но и глазъ его нѣжился тѣмъ, на что онъ смотритъ. Тогда три юноши изъ плѣнниковъ израильскихъ, зачисленные въ списокъ этихъ служителей, воздерживаясь отъ яствъ царской трапезы, какъ оскверненной примѣсью идоложертвеннаго, питались исключительно сѣменами. И вина имъ нужно было избѣгать изъ-за жертвеннаго возліянія, и всякаго мяса — по вышесказанной причинѣ. И когда приставленный къ нимъ начальникъ, опасаясь, чтобы красота ихъ отъ воздержанія не измѣнилась въ безобразіе, и чтобы обвиненіе и наказаніе за неприглядность и исхудалость юношей не обрушились на него, сталъ принуждать ихъ ѣсть то, что имъ предлагали, — то они сказали: оставь и дозвожь намъ; мы не покажемся царю болѣе жалкими, чѣмъ живущіе въ нѣгѣ, и лица наши не увянутъ. Не безпокойся, что приведешь къ нему (царю) слугъ безобразныхъ; ибо Создатель вышшняго вида нашего дастъ намъ привлекательность, и ты узнаешь по опыту, что постъ только содѣйствуетъ красотѣ

*) Дан. I, 3 и слѣд.

нашей и благообразію, о которомъ ты заботишься. — Такъ и было: юноши сильно разцвѣли и затмили всѣхъ, питавшихся мясомъ.

А что сказать о Сампсонѣ? *). Не прямо ли отъ сосцевъ матернихъ научился онъ поститься? Ибо матери возвѣщено было ангеломъ, что младенца слѣдуетъ охранять отъ вкушенія вина и вообще всякой роскоши. И кто, однако, былъ сильнѣе его? кто столь прославленный побѣдитель? Онъ одинъ могъ поравняться силами съ противниками, онъ съ дерзновеніемъ выходилъ противъ цѣлаго строя и безчисленнаго множества непріятелей. А однажды, за неимѣніемъ меча или копья, онъ схватилъ челюсть осла и одной этой костью уложилъ тысячу вооруженныхъ мужей.

Такъ и ты надѣйся — и получишь силы; усердствуй — и будешь укрѣпленъ; приклони слухъ къ ученію о сокровенномъ — и забудешь о пицѣ, какъ народъ, слѣдовавшій за Іисусомъ, учившимъ словомъ и дѣломъ.

Устыдимся, о невоздержные и сластолюбцы, эллиновъ и іудеевъ, которые постятся хотя и напрасно и безъ всякой цѣли, (потому что они только сами себя наказываютъ тѣмъ, что не ѣдятъ) однакожь слѣдуютъ заповѣди (о постѣ), какъ достойной соревнованія и приличествующей людямъ серьезнымъ. Христіанамъ подобаетъ строгость жизни и священная важность этого любомудрія (поста), — христіанамъ, которымъ присуще чистое и истинное разумѣніе благочестія. Тѣ же, кто безъ этого разумѣнія несутъ нравственный подвигъ, дѣлаютъ — на мой взглядъ — нѣчто подобное тому, если строить домъ

*) Суд. XIII, 3 и слѣд.

безъ фундамента, или сооружаютъ корабль, не подложивши кия. А таковы евреи непослушные.

Крайне смѣшно становится мнѣ, когда вижу ихъ босоногими, въ бѣлыхъ поношенныхъ плащахъ бродящими по улицамъ, — это посрамленіе Моисея, это безчестіе пророковъ, это уродливое порожденіе Авраама, — рабовъ безумія — прежнихъ сыновъ свободы, невѣжественныхъ и беззаконныхъ — нѣкогда истинныхъ учениковъ закона, утратившихъ надежду на исполненіе обѣтованій вслѣдствіе того, что образы будущаго они не поняли разумно. Ибо Моисей всѣмъ, что онъ дѣлалъ, назнаменовалъ образы имѣющаго совершиться впоследствии: и устройствомъ скинии, и воспоминаніемъ трубъ, такъ же какъ и обрѣзаніемъ, и опрѣсноками, и горькими травами. Все это были указанія жизни во Христѣ, — подобія, предначертанныя для тѣхъ, которые постепенно тайноводствовались къ совершенству.

Я, какъ христіанинъ и рабъ Распятаго, пощусь правильно, или очищая себя въ надеждѣ воскресенія, или же, какъ любящій господина рабъ, сострадая страстямъ Господа моего. Ты же, сынъ убійць и потомокъ заклавшихъ Агнца, получившій наслѣдіе пролитой крови отъ отцовъ, навлекшихъ такимъ образомъ несчастіе на себя и дѣтей, — чего ради постишься? скажи. Если раскаяваясь въ томъ, въ чемъ согрѣшилъ, то я радостно привѣтствую тебя за такое рѣшеніе; и ты, оставивши синагогу лукавствующихъ, спѣши въ Церковь благочестивыхъ. Приступи къ крови Агнца и очистишь ея кропленіемъ; ибо оттуда же будетъ тебѣ и очищеніе, гдѣ совершилъ ты грѣхъ. Если же ты и теперь привязанъ къ тому же самому, то какое значеніе имѣетъ для тебя воздержаніе отъ яствъ? Не подражаешь ли ты нильскимъ

крокодиламъ, которые — по рассказамъ — плачутъ надъ головами съѣденныхъ ими людей и проливаютъ слезы надъ трупомъ, не раскаяніе, конечно, принося за случившееся (ибо можетъ ли оно быть у неразумныхъ и водныхъ животныхъ?), а печалась о томъ, что голова лишена мяса и не пригодна уже въ пищу? Нѣчто подобное обнаруживается и въ отношеніи къ посту. Пляски и танцы, какъ вставки и эпизоды среди поста, суть дѣло, очевиднымъ образомъ противорѣчащее (идеѣ поста): ибо постъ считается наставникомъ сосредоточенности и благопристойнаго поведенія, пляски же свидѣтельствуютъ о разсѣянности по неумѣреннымъ и многоразличнымъ наслажденіямъ.

Припомни здѣсь извѣстное изреченіе Моисея: въ десятый (день) седьмага мѣсяца слѣдуетъ поститься*). Седьмой мѣсяць обозначаетъ седьмой день, а десятый день — десятый часъ, въ который Господь испустилъ духъ на крестѣ. Такъ и для каждаго предмета избраны и соотвѣтствующіе образы изъ осязательной видимости свидѣтельствующіе о независимомъ отъ времени расположеніи души. Ты же для чего смѣшиваешь несоединимое и сливаешь вмѣстѣ раздѣленное? — Есть у евреевъ и другія торжества: одно называютъ они праздникомъ кущей, другое — воспоминаніемъ трубъ. Но невѣдомо для себя они празднуютъ таинства христіанъ, такъ какъ устройство палатки есть вещественное**) пророчество о той Церкви, которую основало Слово наше. Посему и листьями украшаютъ палатку и плодами убираютъ входъ въ нее — во образъ того, что новая плодонос-

*) Левит. XVI, 29.

**) Въ отличіе отъ пророчества словеснаго.

ная Церковь произрастаетъ вмѣсто закона *). Праздникъ же трубъ располагаетъ души къ готовности воскресенія, какъ Павелъ говоритъ: „ибо вострубитъ, и мертвые воскреснутъ“ **). Учитъ сему и Самъ Богъ и Спаситель, говоря въ Евангеліи: „и пошлетъ Ангеловъ Своихъ съ трубою громогласною; и соберутъ избранныхъ Его отъ четырехъ вѣтровъ, отъ края небесъ до края ихъ“ ***).

Слушая эти слова, евреи, быть можетъ, воспользуются противъ насъ тѣмъ возраженіемъ, что, вспоминая о древнихъ чудесахъ, они приносятъ этимъ благодаренія за благодѣянія Божіи при горѣ Синаѣ и за трубу, звучавшую при сообщеніи закона. А не знаютъ бессмысленные, что и тогда, при дарованіи закона, труба имѣла образное знаменованіе, именно: такъ какъ получающій законъ въ качествѣ правила жизни и для благоустройства поведенія долженъ страшиться наказанія за неповиновеніе, то посему Богъ начерталъ (на скрижаляхъ) заповѣди нашей жизни, посылая ихъ людямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ присоединилъ ****) звукъ трубы, — символъ воскресенія изъ мертвыхъ, — дабы ученики заповѣдей, предвидя за воскресеніемъ судъ, соблюдали ненарушимыми предписанія божественнаго закона. Такимъ образомъ, и постъ, и устройство палатокъ, и трубы — суть тайны нашей религіи, уже давно открытыя, но получившія исполненіе въ опредѣленное время, когда совершилось богоявленіе Спасителя Нашего во плоти. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

*) Буквально: вырастаетъ подъ закономъ незамѣтно.

***) 1 Кор. XV, 52.

****) Мѡ. XXIV, 31.

*****) Исход. XIX, 19.